

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДА КАК ФЕНОМЕН ПОЛИТИКИ И ПРАВА

Татьяна Евменова

Самоопределение является одним из фундаментальных оснований человеческой деятельности как на уровне индивида, так и на уровне его различных сообществ. Философская сущность, качественная особенность самоопределения базируется на том, что человек есть существо разумное, что он есть *homo sapiens*, а его сообщества суть живые сложные образования, синтезирующие в себе различные индивидуальные проявления этой родовой сущности человека. Сознание, осознанность деятельности, волеизъявление, целеполагание — именно эти компоненты разума, разумности определяют *выбор человека и гражданина, выбор человеческих сообществ, больших и малых социальных групп* — от семей до государства, от племен до наций. Наряду с объективным миром вещей и явлений именно *выбор* лежит в основе их самоопределяющегося поведения, самоопределяющейся деятельности — в основе их *самоопределения* как такового.

Именно самоопределение человека и его сообществ во взаимодействии с объективным миром вещей и явлений творит *обстоятельства и отношения*, которые представляют собой объективно-субъективные и идеально-материальные результаты данного взаимодействия. Результаты, которые творят *историю*. Наряду с *жизнью, развитием, культурой самоопределение* человека и гражданина, человеческих сообществ, человечества в целом является краеугольным основанием *бытия* человеческого общества, человеческой цивилизации. Их фундаментальным правом. Более того, не только краеугольным основанием и правом, но и тем внутренним источником, двигателем, который делает каждое из этих оснований и прав *живой реальной сущностью*, а всех их вместе взятых живым реальным *бытием*.

Таким образом, мы вправе заключить, что от степени развитости — богатства или бедности — внутренней структуры и содержания явления самоопределения, от состояния этого явления зависит качество того или иного отдельного человека, отдельного человеческого сообщества, отдельного общества и человеческого общества в целом. Незрелость явления самоопределения человека, гражданина, общества может означать, что речь следует вести, например, о той или иной форме тирании, деспотизма, тоталитаризма, присущих исследуемому обществу. Незрелость явления самоопределения народов, наций, этнических меньшинств может означать, что исследователь имеет дело с той или иной формой тоталитарного общества, пораженного, кроме того, метастазами шовинизма имперской титульной нации, препятствующей малым народам и нацменьшинствам реализовать свое Богом данное право на национально-государственную организацию всей своей социальной и духовной жизни.

Современные гуманитарные, социальные и правовые науки, рассматривая проблему самоопределения, структуру его понятия и явления, ведут речь в основном о самоопределении человека и гражданина, о самоопределении народа и нации (народов и наций). Хотя о самоопределении человеческого индивида, о самооп-

ределении гражданина говорится значительно меньше и реже. Больше — о понятии и явлении самоопределения народов и наций. А точнее, о *праве народов на самоопределение* (международное право). О роли, месте, содержании этого права в системе международной политики и международных отношений в рамках Организации Объединенных Наций.

Так, трактуя цели и принципы деятельности ООН, Устав этого международного сообщества наций намерен "развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов..." (гл. 1, ст. 2, Устава ООН; выделено мною. — Т. Е.). Оба Международных пакта о правах человека в статье 1 акцентированно говорят именно об этом явлении, явлении самоопределения народов, и о праве народов на самоопределение. "Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие". Во всех донные созданных международно-правовых актах ООН и региональных Сообществ наций речь идет только об этом виде самоопределения и, соответственно, права.

Но такое представление о структуре понятия и явления самоопределения (как и права на самоопределение) представляется нам обедненным. Не говоря уже о более конкретных элементах возможной их структуры, отметим хотя бы такой, как *самоопределение* (и право на самоопределение) отдельных *социальных групп*, включая уже сложившееся *государство* как специфическое социальное образование. Например, стремление современной белорусской национальной интеллигенции к полному суверенитету Республики Беларусь или нынешнего белорусского государства к воссоединению с Российской Федерацией даже при условии потери какой-то части национально-государственного суверенитета. Уже сложившегося, суверенного государства. История постоянно имеет дело с различными проявлениями феномена самоопределения уже сложившихся государств. Именно в этом один из источников и одно из свидетельств истории как постоянного движения, истории как процесса бесконечного развития, в котором и самоопределение есть не нечто раз и навсегда данное, а постоянный процесс изменений. В результате одни государства, изменяя (обедняя или совершенствуя) ранее реализованное самоопределение, ведут общество по пути деградации, другие — по пути прогрессивного развития. Одни государства, меняя курс самоопределения, вступают в конфронтацию с обществом или его значительной частью, другие, наоборот, идут к согласию, консенсусу с ним. Одни мирным или насильственным путем приходят к установлению тоталитарных и авторитарных форм государственного правления, другие — к установлению различных форм демократической организации жизни общества.

На рубеже второго и третьего тысячелетий остро встает проблема самоопределения человечества в целом. Перед ним как никогда ранее встает вопрос "быть

Евменова Татьяна Леонидовна — старший преподаватель кафедры философии Белорусского института правоведения

или не быть". "Не быть" — значит оставить неизменной существующую донныне парадигму развития, все имеющие ныне место политико-экономические отношения, все функционирующие ныне варианты самоопределения человека, народов, человечества. Но если — "быть", то как быть, каким образом быть? Для этого необходимо принципиально новое самоопределение всего человечества: принципиально новая парадигма роста и прогрессивного развития, принципиально новая парадигма политико-экономических отношений. Таковой, если очень кратко, может быть философия феномена самоопределения.

Отмечая, однако, факт сложности структуры явления и понятия самоопределения, многообразия и богатства его содержания, мы должны, тем не менее, подчеркнуть, что наша задача — конкретный анализ такого особенного проявления феномена самоопределения, как *самоопределение народов в системе внутренней национальной и международной политики, в системе национального и международного права*. Анализ самоопределения народа как феномена политики и права.

История дает многочисленные основания для утверждения, что все государственные формы демократического устройства общества так или иначе связаны с выражением всеобщей воли народа, с самоопределением народа как феноменом прежде всего демократической внутренней политики, ее нормами, стандартами и законами, отраженными и закрепленными в демократическом национальном праве. И лишь как итог, как результат реализации самоопределения становится категорией и явлением демократической международной политики и демократического международного права.

Сложившиеся, зрелые тоталитарно-авторитарные государственные структуры вроде гитлеровского "Третьего рейха" и сталинского СССР, в сущности, не нуждались в реализации *самоопределения народа*, не нуждались в его процедурах. Даже тогда, когда речь шла о своих собственных народах. В этих структурах все самоопределялось фюрером или вождем. Все реализовывалось их ближайшим элитным окружением, их классом, их политической партией. В лучшем случае формальные проявления самоопределения и его процедур использовались в качестве демократических ширм. Скажем, референдумы раннегитлеровского государства. Гитлеровская и сталинская государственные организации в их зрелом состоянии практически не нуждались в использовании процедур самоопределения, подменяя, как правило, самоопределение народа его классовой или партийно-классовой формой.

"Необходимо помнить, — говорил И. В. Сталин, — что кроме права народа на самоопределение есть еще *право рабочего класса* на укрепление своей власти, и этому последнему праву подчинено право на самоопределение. Бывают случаи, когда *право на самоопределение* вступает в противоречие с иным, высшим правом — правом рабочего класса, который пришел к власти, на укрепление своей власти. В таких случаях — об этом необходимо сказать прямо — право на самоопределение не может и не должно служить препятствием делу осуществления права рабочего класса на свою диктатуру. *Первое должно отступить перед вторым* (Сталин И. В. *Заключительное слово по докладу о национальных моментах в партийном и государственном строительстве* // Собр. соч.: В 13 т. Т. 5. М., 1965. С. 265; выделено мною. — Т. Е.). И оно, это первое, не только

отступало перед вторым, оно полностью подменялось вторым. Но классовое, партийное самоопределение является по своей природе *частным* или *частичным* самоопределением. А если точнее, *искаженным самоопределением народа*. Фальсификатом его самоопределения. Тем более, если оно возводится в ранг приоритета.

Однако эти формы искаженного самоопределения двух народов, став основой и главной сущностью внутренней политики и права двух сверхдержав, на несколько десятилетий определили международную политику всех остальных государств мира и до сих пор со времени создания ООН оказывают существенное влияние как на различные проявления демократического национального права, так и на все международное право в целом, стремясь ограничить потенциальные возможности возврата общества к различным формам искаженного волеизъявления и самоопределения народов.

Начиная с Устава ООН, международное право пронизано идеями отрицания предложенных гитлеровским фашизмом и вульгарным большевизмом форм искаженного самоопределения народов, в сущности ликвидирующих и понятие, и явление самоопределения. Особенно если речь идет о всех других, негерманских или нерусских народах. Особенно, если речь идет о других странах и континентах. В этом плане вызывают настороженность нередкие рецидивы идеологии отрицания самоопределения народа как бесспорного стандарта международного права, озвучиваемые время от времени отдельными элитными представителями современных имперских и субимперских наций и государств. Такие научно и политически некорректные идеи не могут, конечно же, не вызывать сожаления и беспокойства. Даже В. И. Ленин характеризовал подобные позиции как проявление буржуазного социал-шовинизма великодержавных наций.

Однако, несмотря на чрезвычайную практическую важность проблемы самоопределения народов, приходится констатировать, что ее научная разработка до сих пор оставляет желать лучшего. Это замечание справедливо не только для белорусской науки, но и для социальных наук в целом.

Основные теоретические положения по проблеме исследователи до сих пор находят в основном в документах международного права. Особенно таких, как Атлантическая хартия, 1941 г.; Устав ООН, 1945 г.; Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, 1960 г.; резолюция Генеральной Ассамблеи "Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами", 1962 г.; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, 1966 г.; Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966 г.; Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, 1970 г.; Декларация о праве на развитие, 1986 г.; Венская декларация и Программа действий, 1993 г. В соответствии с этими документами, в условиях многонационального государства, если права народов и наций соблюдаются (создание правительства, представляющего весь народ без различия расы, языка, религии, национальности), принцип территориальной целостности имеет безусловный приоритет и вопрос о самоопределении (в форме сепарации) вообще не может ставиться. Однако каждый из этих документов дает отрывочные, разрозненные, часто повторяющиеся, но не развитые

положения и знания по данной проблеме. Цельного ее понятия и понимания, цельного видения и общего знания по проблеме они не дают. Да и не должны давать. Это, безусловно, предмет и забота науки. Но именно эти документы являются тем фундаментом, опираясь и ориентируясь на который наука должна осуществлять свои разработки данной проблемы, ибо именно они говорят о различных формах самоопределения в зависимости от субъектов самоопределения.

Они связывают феномен самоопределения народа прежде всего с его стремлением *обрести потерянную некогда свободу и независимость, обрести свое собственное национальное государство, свой собственный национально-государственный суверенитет*. И речь идет не только о колониальных народах, но о всех народах: "Все народы имеют право на самоопределение" (ст. 1 Международных пактов о правах человека). В этом стратегическая цель явления самоопределения народов и наций.

Исходя из названных документов международного права, можно сделать вывод о том, что содержание понятия и явления "*самоопределение народа*" должно представлять собой сложную систему диалектически связанных между собой определений. Определений, как формы не только интеллектуальной, но и практической деятельности. Или, точнее, интеллектуально-практической деятельности посредством выработки заинтересованными силами и организациями *концепций, доктрин, идеологии самоопределения, программ и мероприятий* его реализации. Прежде всего, определения *политического статуса* народа, добывающегося своей независимости и свободы.

Но только на этом *определении* документы международного права и останавливают свое внимание, полагая, что далее на его основании должно базироваться экономическое, социальное и культурное развитие народа. "Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие" — так гласит статья 1 обоих Международных пактов (Права человека: Сб. международных документов. Мн., 1999. С. 7, 13). Данная постановка вопроса, безусловно, верная. Но, будучи верной, она слишком упрощает проблему самоопределения народа, в сущности, сводя самоопределение, как *сложную систему определений*, на нет. Самоопределение народа не может быть полным только на основе определения одного лишь политического статуса. По нашему мнению, документы международного права, а главное, сама историко-политическая реальность дают основания для утверждения, что самоопределение народа, как феномен политики и права, представляет собой прежде всего *сложную систему диалектически взаимосвязанных определений народом своего политического статуса, экономического статуса, социального статуса, культурного статуса, статуса владельца, собственника природных ресурсов и богатств* (земля, вода, воздух, леса и животный мир, энергоносители, ископаемые ресурсы) *и статуса владельца, собственника социальных ресурсов* (промышленность, транспорт, энергосистема, финансы, материальные и духовные культурные ценности, наука).

На этих основаниях, вместе взятых, только и возможно дальнейшее развитие народа, общества и государства. Таковы, по нашему мнению, истоковые начала содержания самоопределения народа как сложной системы. Без осуществления этих начал, этих опреде-

лений в их тесной взаимосвязи в соответствии с международными и внутринациональными стандартами, механизмами и процедурами ни о каком реальном самоопределении народа, ни о каком его дальнейшем реальном суверенном развитии не может быть и речи.

Если наполнить предложенную систему определенных реальным социально-экономическим и политико-правовым содержанием, то все это может означать, например, следующее: самоопределяющийся народ путем выработки и принятия соответствующих концепции, доктрины, стратегии, программы и т. д. должен определить, будет ли он создавать государство политической диктатуры или политической демократии; будет ли он развивать экономику капиталистического типа, или смешанную, на плюралистической основе форм собственности, или государственно-монополистическую экономику; будет ли он формировать тоталитарное общество, общество абсолютного подчинения воле государства и его элиты, или общество, где государство и народ являются равноправными партнерами по обеспечению благосостояния и достоинства суверенного гражданина; будут ли государство и общество основываться на принципах национальной идеи и национального интереса, развивать национальную культуру, защищать и развивать национальный язык как государственный, или государство и общество будут подчинять себя идее, интересу, культуре, языку какого-либо иного народа. И наконец, будут ли государство и общество, народ абсолютным собственником, владельцем всех природных и социальных ресурсов и богатств страны, или эти ресурсы и богатства полностью или частично будут принадлежать иным государствам и народам, национальным или транснациональным структурам других стран. Такими или несколькими иными могут быть параметры содержательного наполнения нашего понимания самоопределения народа как сложной системы определений своего статуса (или статусов) народом, реализующим свое право на самоопределение. Свобода усмотрения народов сейчас ограничивается соблюдением международных стандартов в области прав человека.

Самоопределение как система определений — это, как уже отмечалось, лишь начало решения проблемы, так как итоговой задачей, главной целью самоопределяющегося народа является, как правило, его стремление обрести реальную свободу и независимость, реальный национально-государственный суверенитет. Именно поэтому самоопределение народа как система определения им своего статуса — это лишь начало сложного длительного процесса, главным в котором является *реализация избранной системы определений статуса*, и прежде всего *избранного политического статуса*, т. е. реализация, объективизация, материализация определенной ранее программы национально-государственного суверенитета. Не случайно Международные пакты о правах человека и Копенгагенский акт СБСЕ 1990 г., наиболее приближающие исследователя к полному определению содержательных элементов понятия и явления *самоопределение народа* в их русскоязычной версии (в отличие от франко- и англоязычной), акцентированно ведут речь не столько *об определении* политического статуса как об элементе идеологии национально-государственного суверенитета, сколько *об установлении* своего политического статуса, *об установлении* как о создании реального национально-государственного суверенитета. Именно на этом основании мы считаем

себя вправе вести речь об *установлении* всех отмеченных выше пяти статусов как об их реализации *главным элементом процесса самоопределения народа*, который осуществляется посредством демократических процедур: митингов, демонстраций, иных акций массовой гражданской солидарности или неповиновения, различных плебисцитов, включая референдумы, выборов государственных властных структур, и недемократических процедур: восстаний, революций, межэтнических и гражданских войн и др.

Но Международные пакты в их английской и французской версиях создают на пути такого понимания первый барьер, первую трудность для такого единственно приемлемого научного подхода и недвусмысленно понимания проблемы.

Французский текст (п. 1 ст. 1) "Tous les peuples ont le droit de disposer d'eux-mêmes. En vertu de ce droit, ils *déterminent* librement leur statut politique et assurent librement leur développement économique social et culturel" (Droits de l'homme. Recueil d'instruments internationaux. New York: O.N.U., 1983. P. 8; выделено мною. — Т. Е.) трактует право народов на самоопределение, скорее, как право на различные формы идейно-политического *определения*, как право, выражаемое в большей степени словом и понятием *définir*. Здесь *déterminer* означает, скорее, *définir* (делать *определения* и в этом смысле *определять*). Определять в концепциях, программах, планах мероприятий, проектах доктрин и законов. Но не как, скажем, *établir*, которое равнозначно практическому *установлению* как *созданию*, т. е. объективно-практической организации и реализации процесса самоопределения.

Такая же ситуация с текстом на английском языке (п. 1 ст. 1): "All peoples have the right of self-determination. By virtue of that right they freely *determine* their political status and freely pursue their economic, social and cultural development" (Human Rights. A Compilation of international instruments. Vol. 1. New York: United Nations, 1993. P. 20; выделено мною. — Т. Е.). Здесь *determine* в большей степени означает "побуждать", "принимать решение", "делать выбор", "делать вывод", "предопределять", "предназначать", но не *establish* (основывать, учреждать, создавать, организовывать, укоренять и т. д.), не *realise* (осуществлять, выполнять, претворять в жизнь и т. п.) и не *implement* (выполнять, осуществлять, проводить в жизнь и т. п.).

Выходит, что одни и те же основополагающие документы международного права делают в трактовке вопроса о самоопределении народа, о праве народов на самоопределение, мягко говоря, различные содержательные акценты, закладывая непреодолимую основу для пресловутого феномена "двойных стандартов" и в толковании, и в решении острейшей проблемы человечества, так и не устраненной цивилизованно в XX столетии.

Наш вывод об *установлении* самоопределения, т. е. о практической его реализации как о *главном* элементе процесса самоопределения, подтверждается и тем, что, несмотря на языковые различия, в трактовке политического статуса как основы самоопределения народа оба Международных пакта однозначно ведут речь об *обеспечении* развития основных элементов реального самоопределения народов. "Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно *устанавливают* свой политический статус и свободно *обеспечивают* свое экономическое, социальное и культурное развитие" (Права человека: Сб. международно-

правовых документов. С. 7, 13; выделено мною. — Т. Е.). Это значит, что третьим элементом, третьим этапом самоопределения как *процесса* после реализации является его *обеспечение*. Обеспечение посредством создания соответствующих организаций, партий, учреждения и развития политических и правовых государственных структур, развития экономики, выработки законодательства и Конституции, организации правозащитной и правоохранительной деятельности, обеспечения военно-политической безопасности — и все это в полном соответствии с содержанием всех пяти определенных и установленных статусов.

Таким образом, мы вправе сделать вывод, что самоопределение народа — это процесс *определения, установления и обеспечения* политического статуса народа, его экономического статуса, социального статуса, культурного статуса, статуса собственника, владельца как "естественных богатств и ресурсов" страны, так и социальных. Определение, установление и обеспечение именно этих пяти элементов содержания понятия и явления самоопределения народа в их единстве способно реализовать национально-государственный суверенитет народа. Обеднение или изъятие любого из этих элементов из процесса реального самоопределения народа делают самоопределение и, соответственно, национально-государственный суверенитет не полными, ущербными, а порой и просто декларативными. История, к сожалению, представляет огромный материал для подтверждения сделанного вывода. В этом плане, имея в виду перечисленные выше элементы содержания самоопределения народа, можно лишь условно говорить о бывших советских республиках как о явлении полноценного национально-государственного самоопределения и суверенитета, ибо любой из статусов реализовывался, в сущности, не ими самими, а если и реализовывался, то непременно частично и в чрезвычайно обедненном варианте.

Ведя речь о содержании понятия и явления "самоопределение народа", нельзя не сказать о его принципе, главном законе, если угодно. О принципе, пронизывающем все его составные элементы. Этот принцип, по нашему мнению, базируется на двух дополняющих и стимулирующих друг друга элементах: *самоопределении* и *свободе* самоопределения. Именно на этом настаивают основополагающие документы международного права. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам (1960) прямо трактует *самоопределение* и его свободу как принцип стремящихся к независимости народов (п. 2 преамбулы резолюции Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 г.// Права человека: Сб. международно-правовых документов. С. 62). Оба Международных пакта о правах человека в статье 1 акцентируют внимание на *свободе* самоопределения.

"1. Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они *свободно* устанавливают свой политический статус и *свободно* обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие.

2. Все народы для достижения своих целей могут *свободно* распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами..." (Права человека: Сб. международно-правовых документов. С. 6, 13—14; выделено мною. — Т. Е.). Базируясь на изложенном, принцип самоопределения народа можно сформулировать следующим образом: в соответствии с международными стандартами, механизмами и процедурами *народ*

определяет, устанавливает, обеспечивает конкретное содержание и структуру своего национально-государственного суверенитета *сам*, без какого-либо вмешательства извне и изнутри; в соответствии с международными стандартами, механизмами и процедурами *народ определяет, устанавливает и обеспечивает свой национально-государственный суверенитет свободно*, без какого-либо насилия изнутри и извне. Именно таков принцип самоопределения народа, пронизывающий все его составные компоненты. *Без реализации этого принципа самоопределение народа не может быть самоопределением.* Этот принцип, этот стандарт должен иметь такой же императивный характер, как и принцип территориальной целостности.

Одним из практических проявлений, одной из существенных процедур самоопределения народа являются всенародные плебисциты. Референдумы, например. Если в ходе референдума не обеспечена свобода волеизъявления для каждого гражданина, если эту свободу ограничивают и даже перечеркивают злоупотребления заинтересованных политических сил путем различных форм насилия над волей избирателей и фальсификации итогов голосования, это является грубым нарушением главного принципа самоопределения народа. Более того, это представляется нам ликвидацией самого самоопределения как феномена политики и права.

Введение нами понятия принципа в анализ содержания самоопределения народа как явления международной и внутренней политики, международных и межнациональных внутренних отношений, международного и внутринационального права не является данью только лишь теоретической моде научного исследования. Его введение обусловлено в первую очередь настоятельным требованием самой исторической действительности. Новейшая история, особенно последних десятилетий XX столетия, свидетельствует, что системе статусов, формирующую определенные формы национально-государственного самоопределения и суверенитета, многим народам определяют, устанавливают и даже навязывают другие народы. Многие существующие уже довольно продолжительное историческое время формы, если можно так сказать, национально-государственного общежития не являлись ранее и не являются сегодня выражением воли входящих в него народов, а служат выражением воли конкретных имперских и субимперских наций, осуществляясь путем различных форм насилия над малейшим проявлением стремления народа к реализации не только полного, но и частичного самоопределения, путем насильственного установления той или иной формы национально-государственного суверенитета народа (титульной нации) политической метрополии.

Разве корректно с научной точки зрения утверждать, что абхазы, на протяжении всей своей истории боровшиеся за национально-государственную независимость (против Рима, Византии, Турции), вошли в 1921 г. в состав Грузии, лишившись только-только объявленного суверенитета, в результате свободного волеизъявления и самоопределения народа?

Разве можно утверждать, что чеченцы, в течение трех веков боровшиеся против русского колониализма, а затем и советского интернационализма, когда-либо в результате свободного самоопределения давали "добро" на прямые акты подавления своей свободы старой России и откровенного геноцида по отношению к себе Советскому Союзу и новой России?

Разве история не свидетельствует (при этом весьма убедительно), что у этих (как и у многих других) народов есть все объективные исторические основания ставить сегодня вопрос об освобождении от навязанной им ранее национально-государственной зависимости?

Данные ситуации усугубляются тем, что особенностью международных актов, трактующих проблему самоопределения народов, является то, что право на самоопределение не является здесь *абсолютным, абсолютно свободным*. В принципе, так оно и должно быть. Ибо любая *абсолютная свобода* потенциально может перерасти в антипод свободы — *произвол*. Поэтому совершенно естественно, что в международном праве вводятся ограничители *свободы самоопределения*. Силы, представляющие тот или иной народ, должны доказать, например, что данный народ, данная страна а) находятся в состоянии *оккупации* или б) в состоянии *колониальной зависимости*. Но эти критерии права на самоопределение создают неразрешимые проблемы для многих народов, находящихся в состоянии зависимости от других народов и их государств и стремящихся к реализации своего национально-государственного самоопределения. Действительно, что делать сегодня зависимым народам: курдам Турции, Ирака, Ирана, Сирии, баскам Испании и многим другим, активно выражающим волю к освобождению от зависимости, но не имеющим возможности доказать, что они находятся в состоянии оккупации или колониальной зависимости?

Однако самым главным ограничителем свободы самоопределения многих народов, настойчиво выражающих волю к освобождению от зависимости, является *антагонистическое противоречие* нынешней политической действительности, закрепленное самим международным правом. Противоречие, в сущности, между давно сложившимся и реализованным самоопределением больших народов и самоопределением находящихся на начальных этапах своего становления малых народов. Очень часто лишь на грани претензий на самоопределение. Действительно, современное международное право, с одной стороны, утверждает *свободу самоопределения* как его стратегический принцип, с другой — настаивает на *территориальной целостности* государств, более того, на их политическом, национальном единстве как на стратегическом принципе международных отношений, международной и внутринациональной политики. Например, Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, требуя "уважать принцип равноправия и *самоопределения* всех народов", утверждает: "Всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить *национальное единство и территориальную целостность* страны, несовместима с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций" (п. 6), что все государства должны уважать "суверенные права всех народов и *территориальную целостность* их государств" (п. 7) (выделено мною. — Т. Е.).

Но как сегодня сохранить территориальную целостность государства, соглашаясь с принципом *свободы самоопределения* народов? Разумеется, его, самоопределение, в этом случае отвергают. Идеологически и практически: Россия, Грузия, Азербайджан, Югославия и, как уже отмечалось, многие другие. Или как сегодня некоторым народам можно реализовать самоопределение, не ставя под вопрос территориальную целостность того или иного государства? Естественно, ее, территориальную целостность, как приоритет внутринацио-

нальных и международных отношений, в ряде случаев отвергают. Это сделали абхазы и карабахские армяне, хорваты, боснийцы и словенцы, намерены были осуществить чеченцы, пытаются реализовать косовские албанцы, планируют македонцы. Такого механизма, который бы приводил к *согласию, балансу, равновесию* стороны данного противоречия, у Международного сообщества наций, к великому сожалению, нет. Поскольку принцип права наций на самоопределение в абсолютной трактовке был рассчитан только на колониальные народы. В результате, будучи в принципе неразрешимым политическими и дипломатическими средствами Организации Объединенных Наций, это *противоречие* усугубляет в большинстве случаев положение вещей, провоцируя народы на нецивилизованные акции.

Отсюда — радикальные проявления сепаратизма, "агрессивный национализм" и "этнические чистки", многие проявления внутринационального и международного терроризма, межэтнических и гражданских войн. Именно отсюда и такие безусловно негативные понятия и явления, как "гуманитарное вмешательство" и "гуманитарная интервенция". Концепции "ограниченного суверенитета". Отсюда — современные проявления геноцида. И весьма неадекватное принципам свободы, демократии, гуманизма поведение в этой связи многих стран, считающих себя цивилизованными.

Балканские и кавказские кровавые катаклизмы в Европе конца XX столетия — лишь отдельные тому подтверждения.

ЛИТЕРАТУРА

- Droits de l'homme. Recueil d'instruments internationaux. New York: Nations Unies, 1983.
 Human Rights. A Compilation of international instruments. Vol. 1. New York: United Nations, 1993.
 Права человека: Сборник международно-правовых документов. Мн., 1999.
 Гегель. Философия права. М., 1990.
 Кант И. Метафизические начала учения о праве // Соч.: В 6 т. Т. 4, ч. 2. М., 1965.
 Касцюк М. Большавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. Мн., 2000.
 Кинбер Д. М. Равенство или самоопределение. Право быть человеком. Понимание прав человека. Мн., 2000.
 Ленин В. И. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т.27. М., 1973; Т. 54. 1976.
 Лепешко Б. Трагедия самоопределения // Беларуская думка. 1999. № 6.
 Lopatka A. Międzynarodowe prawo praw człowieka. Warszawa, 1998.
 Сталин И. В. Заключительное слово по докладу о национальных моментах в партийном и государственном строительстве // Собр. соч.: В 13 т. Т. 5. М., 1965.
 International Human Rights in Context. Law, Politics, Morals. Oxford, 1996.
 Les dimensions internationales des droits de l'homme. Paris, 1978.
 Национальная политика России: история и современность. М., 1997.
 Суверенитет и многовекторность внешней политики Республики Беларусь в современных условиях // Материалы Республиканской научно-практической конференции. 26 июля 2000. Мн., 2000.
 Understanding Human Rights / Ed. by Conor Gearty and Adam Tomkins. 1996. № 4.

SUMMARY

"The Self-determination of the People as the Phenomenon of Politics and Law" (Tatiana Yevmenova)

Self-determination is one of the basic foundations for human activity related to both an individual and his communities of different kinds; it creates circumstances and relations and history as a whole.

At the same time the right to self-determination, like other human rights to life, development and culture is a fundamental human and civil right, the right of communities and humanity as a whole.

The article considers a particular phenomenon of self determination — the *self-determination of the people* — in a system of domestic ethnic and international politics, national and international law, i. e. the self-determination of the people as a political and legal phenomenon. The following idea is stated and developed: the realization process of the self-determination of the people is inevitably related to a democratic national order of social life, whereas distorted forms of the people's self-determination, and moreover, obvious suppression of the people's right to self-determination, are related to various forms of political dictatorship.

The article gives an expanded analysis of the structure and contents of the self-determination of people concept and phenomenon as a complex system of *definition, establishment and ensuring* of the political, economical, social and cultural status of the people striving for independence and national sovereignty; of the definition, establishing and ensuring its status as the owner of both natural and social resources of the country. The article also analyses the problem of the principle of people's self-determination and its limitations as both the phenomenon and the right in contemporary international law and politics.